

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

Левантийцы

Род Торин

Рах э'Торин — изгнанный капитан Вторых Клинков Торинов.

Эска э'Торин — заместитель Раха (умер, душа освобождена).

Кишава э'Торин — охотница (умерла).

Орун э'Торин — конюх (умер, душа освобождена).

Йитти э'Торин — целитель.

Дзиньзо — конь Раха.

Лок, Хими и Истет — Клинки Торинов.

Гидеон э'Торин — капитан Первых Клинков Торинов, ныне император Левантийской Кисии.

Сетт э'Торин — брат и заместитель Гидеона.

Теп э'Торин — целитель Первых Клинков.

Тор, Матсимелар и Ошар э'Торины — седельные мальчишки, которых Гидеон назначил переводчиками.

Нуру э'Торин — переводчик-самоучка, которая никогда не служила чилтейцам.

Род Яровен

Дишава э'Яровен — капитан Третьих Клинков Яровенов.

Кака э'Яровен — заместитель Дишавы, немой. Чилтейцы отрезали ему язык.

Атум э'Яровен — капитан Первых Клинков Яровенов.

Локлан э'Яровен — конюх Дишивы.

Шения э'Яровен — единственная из Яровенов, заклеяменная в изгнании.

Птафа, Массاما, Дендек, Ануке, Эси, Моше э'Яровены — Клинки Дишивы.

Другие левантийцы

Ясс эн'Окча — Клинок рода Окча.

Лашак э'Намалака — капитан Первых Клинков Намалака и подруга Дишивы.

Йисс эн'Охт — капитан Первых Клинков Охта, пылко предана Гидеону.

Тага эн'Окча — капитан Первых Клинков Окча и предводительница Ясса.

Менесор э'Кара — капитан Вторых Клинков Кара.

Джейша э'Кара — заместитель Менесора.

Сенет эн'Окча, Якан э'Кара, Яфеу эн'Инжит, Балн эн'Охт, Тафа эн'Охт и Кехта эн'Охт — охрана императора.

Нассус — левантийский бог смерти.

Мона — левантийская богиня правосудия.

Кисианцы

Мико Ц'ай — дочь императрицы Ханы Ц'ай и Катаси Отако. Император Кин Ц'ай — последний император Кисии (умер).

Императрица Хана Ц'ай — свергнутая императрица Кисии.

Принц Танака Ц'ай — брат-близнец Мико (умер).

Чичи — собака Мико.

Дзай Ц'ай — незаконнорожденный сын императора Кина.

Лорд Таси Оямада — дедушка Дзая по матери и регент.

Генерал Китадо — командующий императорской гвардией Мико.

МЫ ОБНИМЕМ СМЕРТЬ

Министр Рё Мансин — министр левой руки, главнокомандующий императорской армией.

Лорд Хирото Бахайн — правитель Сяна.

Эдо Бахайн — старший сын герцога Бахайна.

Капитан Нагаи — человек герцога.

Лорд Ниши (Соленый лорд) — богатый кисянец, приверженец Единственного истинного Бога.

Чилтейцы

Кассандра Мариус — чилтейская шлюха и наемная убийца.

Иеромонах Креос Виллиус — глава церкви Единственного истинного Бога.

Лео Виллиус — единственный ребенок его святейшества иеромонаха.

Капитан Энеас — глава охраны иеромонаха.

Свифф — подчиненный капитана Энеаса.

Другие

Торваш — Знахарь.

Госпожа Саки — безмолвная спутница Торваша.

Кочо — писец и слуга Торваша.

Лечати — молодой человек на службе у Торваша.

В ПРЕДЫДУЩЕМ РОМАНЕ...

Отношения между имперской Кисией и соседним государством, Чилтеем, становились все напряженнее. Набеги и грабежи вдоль границ приближали очередную войну, надежда на примирение была связана с подписанием нового договора, скрепленного браком Лео Виллиуса, сына иеромонаха Чилтея, и принцессы Мико Ц'ай. Бросив вызов старому императору, брат Мико напал на Лео Виллиуса, когда тот пересек границу, однако убить не сумел и был казнен за измену.

Получив желанный повод для масштабного вторжения, армия Чилтея, усиленная левантийскими воинами из-за моря Глаза, прорвала границу. Изгнанные с родины, Рах и его люди были вынуждены пойти на службу к чилтейцам, хотя воевать за других не в их обычае.

С помощью Кассандры, наемной убийцы, наделенной способностью оживлять недавно умерших, чилтейцам удалось захватить неприступную крепость Кой. Кассандра должна была убить Лео Виллиуса по заданию его отца, что она и сделала, но мертвый Лео возвращается и отбирает у нее свою голову. За эту неудачу Кассандру продают Знахарю, единственному человеку, способному изгнать чужой голос, звучащий в ее голове.

После неудачной попытки отобрать звание вождя левантийцев у своего близкого друга Гидеона э'Торина Рах становится телохранителем Лео и чилтейцы продолжают войну, продвигаясь на юг, к кисианской столице. Намереваясь защитить ее, Мико принимает сторону императора

против собственной матери, однако он умирает, оставляя ее в одиночестве перед лицом угрозы. Мико коронует себя как императрицу и встает против чилтейцев. Ее армия не в силах сдержать атаку, и чилтейцы захватывают столицу, но их убивают обратившиеся против хозяев левантийцы по приказу Гидеона. Мико удается бежать, спасаясь от смерти, а Раха, не согласившегося с тем, куда Гидеон ведет его племя, берут под арест.

*Посвящаю мисс И.,
от которой я узнала так много —
о самой себе, а также о том,
что самое главное и важное
в жизни редко дается с легкостью.*

ГЛАВА 1

Рах

В темноте время стоит на месте. Нет ни дней, ни ночей, в темноте ты просто перестаешь существовать, пока душу подгачивает одиночество, но ничто не сможет вытравить правду из моего сердца. Я — левантиец. Торин. А воинам степей полагается умирать не так.

— Гидеон! — крикнул я, прижавшись лицом к прутьям решетки. Голос унесся во тьму. — Гидеон!

Цепляясь за решетку, втягивая растрескавшимися губами воздух, я завел нашу песнь. Мы пели ее, оплакивая потери. Мы пели ее, когда больно. Пели под звездами и палящим летним солнцем. Пели в силе и слабости, но чаще всего — в одиночестве. Ее словам нас — горстку детей, освободившихся от работы в конце долгого дня, проведенного в дороге, — научил Гидеон. Мы сидели у его ног, сражались за право сесть как можно ближе, будто его старые потные сапоги были священны.

«Но что все это значит?» — спросила девочка, чье имя и лицо скрыла пелена времени, оставив лишь благодарность за то, что она задала вопрос, и мне не пришлось выглядеть глупо.

«Это молитва, — улыбнулся глупышке Гидеон. — Возвышая свой голос к богам, ты никогда не будешь одна, потому что они увидят тебя. Услышат. Признают».

Он взъерошил девочке волосы и оставил нас, а мы таранились ему вслед. Пусть он был самым младшим Клинком Торинов, просто мальчишка по сравнению с другими воинами, но для нас, для меня он был богом.

Когда я допел, эхо песни медленно растаяло в тишине.

Гидеон не пришел.

* * *

Меня разбудила боль в животе. Может, прошли минуты, а может, часы. Я знал только голод, жажду и темноту. Поднявшись на трясущихся ногах, я не мог не думать о нашем пути на юг, о том, как нас били, морили голодом и покрывали позором чилтейцы — те самые чилтейцы, что позже погибли от левантийских клинков. Освободил ли Гидеон их души? Или сжег, как зверей, вместе с головами?

— Гидеон! — Голос хрипел, жажда лезвием резала горло. — Гидеон!

Ответа не последовало, и я зашагал по тесной камере, трогая каждый прут решетки. Всего семнадцать, все идеально гладкие, но те шесть, что служат дверью, слегка толще остальных. Ни света. Ни ветерка. Только тьма, и подобно голоду, вгрызавшемуся в мои внутренности, мысли стал разъедать страх. Меня забыли?

— Гидеон! Йитти!

Только эхо в ответ.

* * *

Я не слышал шагов, но, открыв в следующий раз глаза, обнаружил, что больше не один. Сквозь решетку лился яркий свет, и я вздрогнул и попятился, пока лопатки не коснулись стены.

— Прости. Я не подумал.

Раздался металлический скрежет, и свет из полуденного стал сумеречным.

— Выглядишь жутко.

Я рассмеялся. Или попытался, поскольку получился лишь хрип, а желудок скрутило узлом.

— Надо было предупредить, я бы помылся, — прокрипел я.

— Ну, хотя бы твое чувство юмора не пострадало. — Глаза привыкли к свету, и я разглядел вечно хмурюю физиономию Сетта. — Не уверен насчет...

— Я хочу видеть Гидеона.

Ответом стало лишь потрескивание горячего металла лампы, усиленное тишиной. Я молчал, пока Сетт не откашлялся.

— Не получится.

— Он не может отказать повидаться со мной. Я — Клинок левантийцев. Торинов. Я...

— Его здесь нет, Рах.

Я уставился на грубые черты Сетта, будто в них скрывался ответ.

— Что значит «нет»? Он отправился домой?

Резкий смех Сетта эхом разнесся по коридору.

— Нет, он не отправился домой. Он теперь император, а здесь небезопасно. Чилтейцы разрушили оборонительные сооружения города, а к чему восстанавливать их, если твоя империя к северу от реки, а не к югу? Теперь здесь вражеская территория.

— Вражеская?

— Не надо больше вопросов, Рах. Это ты отправляешься домой.

В замке заскрежетал ключ, и Сетт с усилием распахнул дверь.

Домой. Я не желал ничего другого с первого дня, но все же не сделал ни шагу к свободе.

Сетт скрестил руки на груди, не выпуская из них фонарь.

— Серьезно? После всего, что случилось, ты продолжаешь упрячиться?

— Мы не убиваем. Не крадем. Не завоевываем. — Я повысил голос. — И единственный способ сместить командира Клинков — это вызов или смерть. Я — капитан Вторых Клинков Торинов, пока кто-то из них не бросит мне вызов.

Сетт зарычал, сжав ручку фонаря.

— Просто поезжай домой, Рах. Поезжай домой.

Он повернулся и пошел обратно, оставив дверь камеры широко открытой. Я последовал за удаляющимся светом. Ноги тряслись.

— Где мои Клинки?

— С Гидеоном, — не останавливаясь и не сбавляя шаг ответил Сетт.

Я старался не отставать, поскользываясь на влажном каменном полу.

— А Дишива?

— Тоже.

— А Лео?

Сетт остановился и повернулся так резко, что фонарь едва не впечатался мне в лицо.

— Читтейский бог-мальчишка? Мертва. Ты видел, как он умер. С тех пор его состояние не улучшилось. — Сетт вздохнул. — Не делай глупостей, Рах. Я знаю, тебе тяжело, но это твой шанс убраться отсюда, отправиться домой. Если снова начнешь доставлять проблемы, у Гидеона не будет выбора, кроме...

— Кроме чего? — спросил я, когда он зашагал снова. Его раскачивающийся фонарь пьяной звездой указывал путь. — Кроме как убить меня? — Я поспешил вслед за Сеттом. — Таков новый левантийский обычай? Убивать тех, кто оспаривает твои решения, а не драться с ними в честном поединке?

Не ответив, Сетт начал подниматься по лестнице, разочарованно топая по камням. Я остановился у подножия, пытаюсь отдышаться, и едва не выскочил из собственной шкуры, когда фонарь Сетта осветил ближайшую к лестнице камеру. У самой решетки стоял человек и не мигая смотрел на меня, будто стараясь запомнить мое лицо. Я поборол желание отступить назад, отвести взгляд, радуясь, что нас разделяет решетка. Грязное лицо человека обрамляли торчащие в разные стороны волосы, но сквозь пелену запущенности проглядывало что-то знакомое.

Сетт остановился.

— Кто это? — спросил я, не отводя взгляда от пленника.

— Министр Мансин, — донесся с лестницы ответ Сетта. — Человек, который сидел на троне в боевых доспехах императрицы.

Министр Мансин, занявший место императрицы, чтобы обмануть ее врагов, пристально вглядывался в меня из-за решетки. Мне хотелось сказать ему, что я никогда не желал падения Кисии, что я ему не враг, но я сражался вместе со своим народом против его народа, и этого не изменить никакими словами. Да он их и не поймет.

— Пошли, — буркнул Сетт, и звук его шагов возобновился. Свет ушел с лица министра. Я оторвал от него взгляд и пошел по лестнице.

Сетт поднимался медленно, но я все равно не поспевал за ним, одышка и боль усиливались с каждым шагом, напоминая о том, что мое тело нуждается в еде, воде и отдыхе. Если бы не гордость и гнев, я бы уже карабкался на четвереньках.

Добравшись до верхней площадки, я, тяжело дыша, оперся о стену из грубо отесанного камня. Шаги Сетта продолжили удаляться, но вскоре он вернулся за мной.

— Прости, что оставил тебя там так надолго, — сказал он. Его лицо расплывалось у меня перед глазами. — У меня не было выбора. Ты можешь выбраться незамеченным только ночью, и мне нужно было дождаться, пока уедет Гидеон.

— Он что, ничего не знает?

Мне не хватало времени подумать, почему Сетт меня отпускает, но какова бы ни была причина, его лицо осталось недобрым.

— Наверху есть еда, можешь поесть перед отъездом, — сказал он. — Я собрал твои седельные сумки. Дзиньзо ждет во дворе.

Дзиньзо. Я не смел и надеяться, что когда-нибудь снова увижу своего коня, не говоря о том, что мне позволят свободно уехать, но гнев опередил облегчение.

— Ты тайком отсылаешь меня из города, будто стыдишься.

— Можешь и так сказать.

— В то время как Гидеон отсутствует и не может тебе помешать.

Он секунду помолчал.

— Можешь снова идти? Еда уже близко.

Похоже, задавать вопросы о Гидеоне не разрешалось.

Внутренний дворец изменился. Некогда шумный и заполненный трупами солдат, сейчас он был окутан тишиной и тенями, превращавшими его резные колонны в прячущихся по углам неведомых существ. За бумажными экранами теплился свет, шорох наших шагов отзывался шепотком, но мы не встретили ни одной живой души.

Сетт привел меня в комнатку на первом этаже, где ночную темноту разгоняли две лампы. Низкий столик был уставлен блюдами, но мой взгляд устремился к чаше с мерцающей жидкостью. Не заботясь о том, вино это или вода, я опрокинул ее в рот. Горло обожгло шаром огня, я выронил чашу и закашлялся.

— Кисианское вино, — сказал Сетт. — Кажется, они делают его из риса. Или пшена. Есть еще чай, но не пей так быстро, его подают горячим.

— Зачем? — выдавил я еще более хрипло, чем раньше.

— Понятия не имею. Когда найду кого-нибудь, кто меня поймет, спрошу.

— А вода есть?

Сетт осмотрел стол.

— Кажется, нет. Они не слишком уважают воду. Считают ее грязной, и, возможно, здесь так оно и есть. — Он пожал плечами и хмуро добавил: — И добычу они не готовят целиком, по крайней мере здесь, во дворце. Режут ее на куски. — Он обвел рукой стол. — А лучшие части вообще не едят. Я видел, как они скармливают печень псам.

В желудке боролись голод и тошнота, я выбрал самый опознаваемый кусок мяса и откусил. Слишком много специй и странный соус, но голод все же победил, и я быстро затолкал мясо в рот, потом еще и еще. От еды заболел живот, но голод заставил меня продолжать есть, пока я едва не лопнул.

Пока я ел и пил, стараясь не заляпать и без того грязную и вонючую одежду, Сетт, словно часовой, стоял у двери. Он ничего не говорил и не шевелился, просто стоял, скрестив руки и глядя в пространство. Между его бровями залегла глубокая складка.

Когда голод был побежден, снова разыгралась тошнота, и я прижал все еще трясущиеся руки к животу. В носу стоял противный сладковатый запах непривычной пищи, и я откинулся назад, надеясь, что желудок ее не отвергнет.

Только когда тошнота немного отступила, я смог произнести:

— Ты ведь на самом деле не собираешься меня отпустить?

— Ты так думаешь? По-твоему, Дзиньзо оседлан для кого-то другого?

Я фыркнул и медленно встал, все еще держась за живот.

— Ты правда тайком высылал меня из города среди ночи, чтобы никто этого не видел? Что подумают люди? Что я умер? Что ты меня убил?

— Я не хочу, чтобы люди вообще о тебе думали. От тебя слишком много проблем, Рах. Послушай меня. Оставь Гидеона в покое. Оставь Йитти. Они сделали свой выбор, как и остальные Клинки, кто хочет новый дом и лучшую жизнь.

— У нас уже есть дом.

— Так иди, сражайся за него!

Среди экранов повисла тишина, наполненная пылью, запахом специй и ладана. В каждом вдохе я чувствовал вкус призрачных остатков чужой жизни, постоянно присутствовавшего напоминания о том, как далеко я от родных степей.

— Мне вернут клинок? — спросил я, пристально глядя Сетту в глаза.

— И ножи, если хочешь. Если тебе нужна замена сабле, которую ты бросил в Тяне, придется удовольствоваться кирианским мечом. Не особенно подходящая пара, но других у нас нет.

Кирианский меч мне хотелось не больше, чем есть их пищу, жить на их земле или завоевывать их города, но все же я кивнул, и губы Сетта растянулись в сдержанной улыбке.

— Пошли, найдем тебе чистую одежду.

По пути нам не встретилось ни единой души, весь внутренний дворец казался пустой могилой. Тела убрали, но остались сломанные экраны и ограждения, многие двери

превратились просто в проемы, заваленные обломками и бумагой.

Зайдя в какую-то дверь, Сетт поводит перед собой фонарем, осветив вместо опрятной комнаты кучи сложенного по видам оружия в море одежды, кожаных доспехов и кольчуг.

— В основном тут все слишком маленькое, но несколько разрезов в нужных местах это исправят. — Сетт поставил лампу на выпотрошенный сундук и взял нечто из зеленого шелка. — Мундиры у имперской армии были неплохие, но от них почти ничего не осталось.

Я не желал носить кисианские вещи, но моя кожаная одежда видела столько грязи, что не хотелось даже об этом думать. Я много раз в ней сражался, и по коленям стекала кровь множества отрезанных голов. А здесь, несмотря на беспорядок, все выглядело свежим и чистым.

Сетт бросил мне шелковое одеяние. Оно скользнуло у меня между пальцами, цепляясь тонкими нитями за огрубевшую кожу. Я позволил ему упасть и разлиться по полу, как мерцающие зеленые воды залива Хемет.

И снова Сетт стоял молча, пока я обходил комнату, роюсь в россыпях одежды. Штаны, которые я выбрал, были слишком тесные, рубаха слишком длинная, кожаная поддевка слишком тонкая, а плащ слишком тяжелый. Одежда была мне нужна, но врезалась в тело, от нее чесалась кожа, а чересчур тесный воротник душил как удавка. Под левантийским солнцем в таком одеянии можно свариться заживо, но, если кисианские дожди хоть наполовину настолько ужасны, как считали чилтейцы, я буду ему рад. Кошмарные дожди. Если бы чилтейцы не так сильно боялись воды, то, возможно, почуяли бы зреющий под самым носом мятеж. Или нет. Я же не почуял.

Я раскинул руки, приглашая Сетта оценить мой вид.

— Ну, как я выгляжу?

— Смехотворно. Но чисто. Пойдем, скоро рассвет.

Взяв на замену кисианский меч и сунув вещи в сумку, я снова последовал за Сеттом в тишину дворцовых теней.

— Где все? — спросил я, стараясь поспевать за его быстрым шагом.

— Где им, по-твоему, быть посреди ночи?

Он вошел в зал. Сетт был высоким человеком, но казался крошечным по сравнению с возвышавшимся над ним дворцовым шпилем. Последние слова Сетта поднялись в залитую лунным светом высь, шаги отдавались эхом, когда он пошел к открытым дверям. Нет, не открытым. Сломанным. Чилтейцы разбили главные двери так же, как и многие другие, предоставив Лео пройти сквозь них, будто их открыла рука его бога.

Укол вины вынудил меня воздержаться от дальнейших расспросов. Я поклялся защищать Лео и не сдержал клятву. Так же, как клялся защищать своих Клинков. И свой гурт.

Сетт прошел через разбитые двери. За ними нас встретили пологие ступени и, если бы не душная ночь, я будто бы вновь шел по колоннаде вслед за Лео.

— Что стало с телом Лео?

— Не знаю, — ответил Сетт, не оборачиваясь.

— Как ты можешь не знать?

— Я не спрашивал.

Он еще быстрее зашагал по колоннаде, заполненной удушающим запахом гниющих цветов, раздавленных нашими ногами. За зарослями винограда раскинулся сад. Ночное небо над внешним дворцом осветил удар молнии. Внутри было душно, но здесь оказалось еще хуже. Жара давила тяжелой рукой, от ее влажного прикосновения со лба капал пот.

К тому времени, как Сетт дошел до внешнего дворца, мне пришлось гнаться за ним вприпрыжку. Колени обжигала боль.

— Сетт...

— Просто иди, Рах. У меня больше нет для тебя ответов. Он поспешил под огромную арку. Прогремел гром.

— Где Первые Клинки?

Сетт с каждым шагом обгонял меня еще сильнее, предоставив хромать за ним по темным коридорам и извили-

стым дворикам. От спешки его фонарь тошнотворно раскачивался, ручка скрипела, свет метался по стенам туда-сюда. Непохоже, что фонарь был нужен Сетту. Он знал дорогу. Лео тоже ее знал.

Я покрепче схватил мешок с грязной одеждой и догнал Сетта.

— Сетт, скажи правду, что происходит?

— Ничего. Смотри, как я и обещал, — указал он, когда мы снова вышли в ночь, и его шаги камнепадом застучали по внешней лестнице.

Во дворе ждал Дзиньзо, которого держал под уздцы Тор э’Торин. После смерти командера Брутуса юноша стал свободен, как любой из нас, но темные круги под глазами остались, и держался он напряженно.

— Ты должен был передать приказ, а не оставаться, — сказал Сетт, подходя к нему. — Ты нужен мне внутри, помочь с письмами. Тот писец не понимает и половины того, что я говорю.

— Прости, капитан, — сказал Тор, складывая кулаки. — Не хотел оставлять коня капитана Раха одного в такую погоду. Он мог забеспокоиться.

— Он больше не «капитан» Рах, — рыкнул Сетт.

Я прижался лбом к шее Дзиньзо, зарылся пальцами в ухоженную гриву, притворяясь, что не слышал этих режущих душу слов. Не капитан. Чужая еда в желудке забурлила, вернулась тошнота.

В молчании я осмотрел Дзиньзо, скорее по привычке, чем из опасения, что за ним плохо ухаживали. Лицо Сетта оставалось все таким же хмурым каждый раз, когда я отваживался бросить на него взгляд. Тор тоже остался и переминался с ноги на ногу неподалеку. Он облизал губы и улыбнулся, когда заметил, что я смотрю на него, но улыбка вышла неубедительная.

Снова прогремел раскат грома, далекий, но грозный. При взгляде на закрывавшие звезды тучи я начал понимать страхи чилтейцев.

Мои сабля и ножи торчали из седельной сумки — кисанской, как я заметил, но не посмел спросить, что случи-

лось с моими собственными. Вопрос будто застрял у меня во рту, приклеенный жутковатым чувством, что здесь что-то совсем не так.

— Ну, так ты скажешь мне, что происходит? — спросил я, засовывая мешок с оружием в сумку и похлопывая Дзиньзо по шее.

Сетт рассмеялся, и от этого безрадостного звука по мне побежали мурашки.

— Садись на коня, парень.

Я рискнул бросить еще один взгляд на Тора, но мальчишка уставился на камни. Молния осветила его длинные и растрепанные черные волосы.

— Ладно, — сказал я и отсалютовал Сетту, как Гидеону. — Пусть Нассус ведет тебя и хранит твою душу.

Он будто меня не слышал.

Когда я карабкался на спину Дзиньзо, ноги пронзила боль. Но все слабости моего тела в тот момент превратились в ничто — я снова стал всадником. Сила Дзиньзо наполняла мою душу. С поводьями в руках я мог сидеть гордо и прямо, невзирая на вину, страх и боль. В седле я снова был левантийцем.

— Поезжай на север. — Нетерпеливый перестук копыт Дзиньзо вывел Сетта из транса. — И не останавливайся, пока не достигнешь Ленты. Когда доберешься до дома...

— Я не еду домой. Не сейчас. Я не вернусь туда, пока не повидаюсь с Гидеоном.

Из горла Сетта вырвался крик раненого зверя, и он схватил уздечку Дзиньзо.

— Ты что, вообще не слушал, Рах? Уезжай! Убирайся отсюда!

— Нет, пока хотя бы не попрощаюсь. Он встал на путь, по которому я не могу за ним последовать, но я не могу уйти, даже не увидев его. Даже не...

Сетт придвинулся ближе, прижав мою ногу к боку Дзиньзо.

— Слишком поздно, Рах. Я говорил тебе, что ты ему понадобишься, а ты его подвел. Всех нас подвел. Я не позволю тебе сделать это еще раз.

— Подвел? — Слова резали сердце ножом. — Я пытался спасти его. Спасти всех нас. Я...

Ногу пронзила боль, подобно огненному следу молнии в ночном небе, и я подавил вопль. В покрытых шрамами пальцах Сетта оказалась рукоять пробойника, а его крюк торчал в моем бедре.

— Считай это последним предупреждением. Уезжай. Сейчас же. Он не хочет тебя видеть.

Я до боли сжал поводья Дзиньзо, но огонь в ноге не утих.

— Тогда пусть он скажет мне об этом сам, — процедил я сквозь стиснутые зубы.

Сетт протащил крюк по коже, разрывая плоть. Я хотел закричать, заплакать как ребенок, вытошнить боль на камни, но сжал губы, медленно дыша. Дзиньзо пытался отойти в сторону, но я заставил его стоять смирно, не позволил вырвать крюк.

— Уезжай отсюда, — словно разъяренная змея прошипел Сетт. — Ты хотел знать, где остальные Первые Клинки. Где Вторые Клинки. Они все на стенах, ждут возможности утыкать твою спину стрелами, если ты меня не слушаешь. Так что первый раз в жизни послушай, Рах. Скачи на север — и быстро. И не оглядывайся.

Он рывком вытащил крюк, и я задохнулся. Двор вокруг меня закружился. Горячая кровь пропитала штаны и капала на землю, Дзиньзо попятился, учуяв ее. Прежде чем я успел успокоить коня, шлепок по крупу отправил его в галоп. Копыта загрохотали по камням двора, и мне оставалось лишь крепко держаться, чтобы не упасть.

Ворота пролетели мимо, мы набирали скорость, и держаться ногами с каждым шагом становилось все больнее. Я быстро терял кровь. Рану требовалось перевязать, зашить, но я не обладал навыками Йитти, а он... Сколько моих Клинков желали моей смерти?

Скачи быстро. И не оглядывайся.

Мы проскочили Мейлян в дымке мерцающих огней и тени. В отличие от дворца, город жил, и люди отскакивали с дороги, их крики смешивались со стуком копыт.

Дорога от дворца к северным воротам была прямая и широкая, и Дзиньзо скакал по ней навстречу собирающейся буре, молнии подражали копьям боли, сверкавшим у меня перед глазами. Я скакал мимо сторевших остовов некогда великолепных зданий, мимо фонтанов, святилищ и груд мертвых тел, мимо баррикад и громадных деревьев, похожих на руки, тянущиеся к небу. Впереди показались стены Мейляна, ворота были открыты.

Дзиньзо не сбавлял ход. Кровь заполняла сапог, мне нужно было перевязать ногу, но на стене мелькали огни, и я не мог остановиться. Пока нет. Умереть ради долга почетно. А быть убитым в седле своим собственным народом — нет.

Низко пригнув голову с развевающейся гривой, Дзиньзо пролетел сквозь ворота в ночь. Нас поглотила тьма, но мы не замедлили ход. Каждый удар копыт по дороге, казалось, выкачивал кровь из моей раны, но я сжал зубы в ожидании стрел. Спину покалывало от уверенности в том, что в любой момент может ударить беззвучная смерть. С каждым шагом страх уступал место надежде, пока наконец я не решил оглянуться. Цепочка мерцающих факелов на стене походила на следящие за нами глаза — глаза всех левантийцев, что я привел в это проклятое место. Всех левантийцев, что я должен забрать домой.

— Давай-ка сначала не истечем кровью до смерти и...

Все закружилось, когда я обернулся. Дорога наклонилась, и, не в силах больше держаться, я повалился на нее головой вперед.

ГЛАВА 2

Душтва

Итагай тряс головой, пока я расчесывала спутавшуюся за день гриву. Он не любил этого, и я медленно и осторожно распутывала каждый колтун. Прекрасный повод заставить императора ждать.

Конюшенный двор заполняли другие левантийцы, сидевшие рядом со своими лошадьми или о чем-то бесе-

довавшие маленькими группами. Никто за весь вечер не подошел ко мне, даже мои Клинки. Теперь, когда первый огонь победы угас, никто толком не знал, что говорить. Мы победили. Мы захватили город. Перебили врагов, этих ужасных людей, мучивших нас и моривших голодом, но... Ликование отступало, и закрадывались сомнения. Победа ничего не вернула назад, она сделала все лишь запутаннее.

— Не думаю, что мы им нравимся, — донесся голос от соседнего стойла. Конюшни. Домики для лошадей, как будто им непривычен дождь над головой.

— Вот и прекрасно, потому что мне они тоже не нравятся, — последовал тихий ответ. — Когда заканчивается твое изгнание?

— Через половину цикла, а твое?

— Примерно так же.

Дальше вопросов не последовало, но я сомневалась, что причиной стала лишь преданность нашему гуртовщику. В последнее время множество языков сковывал страх.

— Капитан Дишива э'Яровен?

Я повернулась, забыв щетку в гриве Итагая. В дверях стоял широкоплечий левантиец, мощные руки сполна компенсировали недостаток роста. Он был не из моих Клинков и незнаком мне, но это и неудивительно, учитывая, сколько нас собралось в одном месте.

— Да?

— Гуртовщик... Император Гидеон желает поговорить с тобой.

— Я знаю, но кони сами себя не вычистят.

Человек расслабленно прислонился к дверному косяку, мышцы на сложенных на груди руках выпирали еще сильнее.

— Да, но они и не бесятся, если заставлять их ждать.

Я вздохнула.

— Остальной гриве придется подождать, — сказала я, положив руку на шею Итагая. — Но не думай, что так легко отделался. Неприлично ходить с запекшейся кровью и колтунами, знаешь ли.

Левантиец усмехнулся, став похожим на зеленого седельного мальчишку.

— Ну, не знаю, он выглядит довольно лихо, — сказал он, но, когда я обернулась, оказалось, что он смотрит на меня.

— Как тебя зовут?

— Ясс эн'Окча, капитан, — ответил он, сложив кулаки в приветствии.

— Ты очень занят, Ясс эн'Окча?

Его брови поднялись к короткой поросли волос, уголок рта дрогнул.

— Капитан рода Яровен нуждается во мне?

Я сунула ему щетку.

— Его зовут Итагай. Если тянуть слишком сильно, он укусит. Я скоро вернусь.

— Итагай?

Я закатила глаза.

— Моя мать любила истории путешественников и почти каждый вечер рассказывала мне о драконе Итагае. Это не так уж странно.

Ясс рассмеялся, и я позавидовала его беспечному смеху.

— Как скажешь, капитан.

— И ты останешься здесь, пока я не вернусь?

Он ухмыльнулся еще шире.

— Это я могу.

Он смотрел мне прямо в глаза, пока я не прошмыгнула мимо него в темноту. Дверь конюшни закрылась, но я будто утащила за собой его часть, его присутствие ощущалось физически. Всего лишь мускулистая фигура и заинтересованная улыбка, и вот я уже хочу заставить Гидеона подождать еще дольше. Но я все же ушла, не оглядываясь.

Левантийцы во дворе понижали голос, когда я проходила мимо, огибая группы сидевших на камнях мужчин и женщин. Они тоже следили за мной глазами, и мне казалось, что они могут читать мои мысли, видеть рваные, кровоточащие края моей души.

По пути к особняку я миновала обломки какого-то осадного орудия, состоявшего из блоков, веревок и растрескавшихся рычагов. Рассыпанные повсюду останки войны на-

поминали не только о том, как далеко мы зашли, но и о том, сколько еще предстоит пройти.

Поместье, в котором мы остановились на ночь, вероятно, принадлежало какому-то кисианскому вельможе. В нем были конюшни, сады, толстые стены и возделанные поля, и так много комнат в доме, что он напоминал лабиринт. Всем капитанам выделили комнаты внутри, но я сбежала из душных коридоров, как только смогла, предпочитая открытое небо толстым черным балкам. Они выглядели тяжелыми, как и черепичная крыша. Достаточно тяжелыми, чтобы раздавить меня, если упадут.

Я прошла мимо двух Клинков Намалака, стоявших на лестнице. Алый шелк поверх доспехов будто покрывал их кровью.

— Капитан Дишива, — поприветствовал меня один из них.

Я кивнула, не рискуя заговорить, поскольку вряд ли они разделяли мое мнение об их новом наряде.

Внутри меня встретил длинный, залитый светом ламп коридор, где с каждой стены тарачились портреты спесивых кисианцев. Мне хотелось вырвать им глаза, но Гидеон много раз говорил, что кисианцы не чета чилтейцам и нам не враги. Они теперь наш народ, наши подданные, и их следует уважать. Конечно, до тех пор, пока они преданы своему новому императору. Как и всегда, он был прав. Мне просто это не нравилось.

На пути к комнатам Гидеона я проходила мимо других левантийцев, одетых как кисианские гвардейцы. Я превосходила рангом их всех, но ни один не поприветствовал меня. Там не было ни других капитанов, ни их заместителей, ни охотников, ни конюхов, ни целителей, только жадные до славы и привилегий Клинки, и я злобно зыркала на каждого. Двое у резных дверей покоев Гидеона даже заступили мне путь, скрестив на груди руки.

— Кто желает получить аудиенцию его величества?

Я выпрямилась.

— Я капитан Дишива э'Яровен, а вы убирайтесь с дороги.

— Мы тебе не подчиняемся.

— Кто вы? Кто ваш капитан? Я расскажу ему о вашем неподобающем поведении.

Один из них ослабилась, отчего шрам над верхней губой скривился в странное подобие улыбки.

— У нас больше нет капитанов. Мы служим только его императорскому величеству.

Я сжала кулаки и процедила сквозь зубы:

— Что ж, его императорское величество послал за мной, так что убирайтесь с дороги сами или я вас заставлю.

Обе сабли висели на левом бедре, но я тронула кинжал, оценивая слабые места в их новых доспехах.

Раньше, чем они успели ответить, дверь открылась, и стражи расступились, чтобы пропустить низенького ки-сианца в белом одеянии. Он низко поклонился и что-то пробормотал на их чудном языке, жестом приглашая меня войти. Оба наглых Клинка держались расслабленно, но мое сердце колотилось от гнева, и я не могла сделать ни шагу.

Маленький ки-сианец скривился и отчаянно замахал мне рукой. Изнутри доносился гул голосов, звон тарелок и шорох шелка, хотя комната казалась пустой.

Собравшись с духом, я вошла в большую, сильно пахнущую благовониями комнату.

— Капитан Диш... — начал ки-сианец. — Капитан Дишава Яр...

— Дишава, — поправила я. — Капитан Дишава э'Яровен.

Коротышка тихонько повторил это, практикуясь, но от его незаконченного объявления гул разговоров уже стих. Из соседней комнаты слышались шаги, и через тонкие бумажные двери вошел Гидеон.

— А, капитан Дишава, — улыбнулся он. — Ты-то мне и нужна.

Я остановилась посреди камышовой циновки и первый раз в жизни поморщилась от мысли, что могла натоптать на ней лошадиным дерьмом. Не поднимая глаз, я жестом поприветствовала нового императора. Он тоже нацепил ки-сианский шелковый плащ, свисавший с его плеч как запятнанный кровью флаг. Изящно вышитый, отделанный золотой нитью флаг.

Я молчала, и Гидеон вопросительно поднял брови.

— Все в порядке, капитан?

За бумажными экранами двигались тени. Маленький кисянец исчез, но незнакомая обстановка давила на меня. Бледные пятна на полу и стенах говорили о том, что часть мебели вынесли, но от декоративных ваз, экранов, статуй и ламп было нечем дышать.

— Да, гуртовщик. Мне просто неудобно в таком окружении.

— А, — поморщился он. — Надеюсь, ты привыкнешь, потому что у меня для тебя задание.

Он призывал к себе каждого капитана и ставил новую цель. Я знала, что придет и мое время, и страшилась этого. Но, несмотря на мои страхи, это был мой народ, а Гидеон — мой гуртовщик. Я выпрямилась.

— Что я должна сделать, гуртовщик?

— Я хочу, чтобы ты и твои Клинки отвечали за мою охрану и охрану моей жены. Я..

— Жены? Но ты же Клинок Торинов. Тебе не позволено жениться.

Гидеон поднял брови, и от его недолгой паузы я залилась краской стыда.

— Я был Клинком Торинов, — сказал он, — а теперь я император Левантийской Кисии. И если хочу оставаться им достаточно долго, чтобы построить нам новый дом, то должен жениться на кисянке. Нам не хватит Клинков, чтобы удерживать эти земли силой, поэтому нужна дипломатия.

Новый дом. Он называл наши степи отравленными, больными, зараженными неким злом, проникавшим в умы и сердца наших предводителей и обращавшим их против нас, но, хотя я видела все собственными глазами, это не могло унять тоску. Кисия, с ее густыми зелеными лесами, влажным воздухом, единственной луной и незнакомой пищей, не могла заменить степи.

— Ты ведь тоже этого желаешь? — спросил Гидеон, когда я ничего не ответила.

Он умолчал о том, что не мог рисковать и оставить капитаном того, кто не верит в его замысел. Рах был тому подтверждением.

— Нам нужен безопасный дом, — продолжил он. — Нам нужно выжить. Приспособиться. У себя дома мы вымираем, Дишива, вымираем. Наш образ жизни, наш народ, наша честь — все, что сделало нас великими, станет нашей погильбелю, если мы не сможем измениться.

И снова смутное ощущение присутствия Раха. Несгибаемого и не желающего меняться.

Гидеон зашагал по комнате, под тяжелой поступью потрескивали камыши. На менее высоком человеке его шелковый плащ тащился бы по полу, но на нем он беспокойным морем плескался у лодыжек.

— Нам придется сражаться за новую родину, иначе для нас не останется места в этом мире. Иначе левантийцы станут воспоминанием, наши рощи превратятся в пыль, а боги будут забыты. — Он развернулся ко мне, сжав руки за спиной так, что рукояти сабель на бедрах стали еще заметнее. — Скажи, могу ли я рассчитывать на тебя? Хочешь ли ты сражаться за будущее, в котором наш образ жизни будет сохранен и продолжится, а не сгинет на ветру перемен? Если не можешь, я выберу кого-нибудь другого.

Он обладал завораживающей манерой речи, бравшей за душу и сжимавшей сердце, и в порыве чувств я сложила кулаки в приветствии.

— Я с тобой, гуртовщик. Для меня и моих Клинков будет честью защищать тебя.

— И госпожу Сичи. Она просила женскую стражу, а я доверяю тебе более всех остальных.

— Это честь для меня. Однако, не в обиду тебе, гуртовщик, я думала, что мы ищем императрицу Мико, чтобы ты мог на ней жениться. Возможно, я просто не поняла, как устроено их общество.

— Нет, все верно, но... — Он остановился и кивком подождал меня ближе. Молчание только подчеркнуло, что за дверью ведется разговор на чужом языке.

Вблизи его дыхание пахло вином, под глазами залегли темные круги.

— Брак с Сичи Мансин — это фундамент, на котором построен мой союз с кирианцами. Мы получаем нашу империю, они получают нас, а через семейные связи госпожи Сичи — могущество, которого лишил их император Кин. Поэтому так важно, чтобы ты охраняла ее.

— Она желает этого брака?

— Да.

Я кивнула, и он отошел назад.

— Их общество древнее и сложно устроенное, оно основано на постоянно смещающемся балансе сил и фамильной чести. За несколько дней понять его невозможно. Но мы должны уважать их традиции, если хотим, чтобы они уважали нас.

— А императрица Мико?

— На нее у нас другие планы.

Он говорил небрежно, но зловещие слова предвещали пропавшей императрице недоброе.

— Завтра мы выезжаем в Когахейру, — сказал он. — Там мы пробудем какое-то время, строя планы на будущее. Тебе и твоим Клинкам выдадут имперские мундиры моей личной гвардии. Ты дашь мне Клинков, но сама поскачешь с госпожой Сичи, ее охрана — твоя главнейшая задача.

Я совсем не жаждала охранять утонченную кирианскую даму, но в присутствии Гидеона вера в наше дело вспыхнула с новой силой. Он провел нас сквозь чилтейское вторжение, освободил от оков, верил в наши возможности и в то, чего мы заслуживаем, и на какое-то время мой голос сковали эмоции, я не могла говорить, лишь подняла кулаки в приветственном жесте и склонила голову.

Гидеон положил руку мне на плечо, и от ее мягкой, дружеской тяжести я едва не расплакалась. Я даже толком не понимала, о чем эти слезы, но они все равно давили на глаза и сжимали горло.

— Это был трудный для нас путь, — сказал он. — И я не могу обещать, что не станет еще труднее, но обещаю, что

буду сражаться за наш народ и наше право существовать в этом мире, до последнего дыхания и капли крови. — Он сжал мое плечо. — Легко лишь лечь и умереть, но левантийцы так не поступают.

— Да, — выдавила я. — Левантийцы так не поступают.

Пока я боролась с комком в горле, он снял руку с моего плеча. Его мягкие манеры в столь полной мере воплощали старейшину гурта, что меня снова окатило тоской по дому, который мы потеряли.

— Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится, капитан. Будучи императором, мне приходится изображать для кирианцев властную отчужденность, но я все еще твой гуртовщик.

Он отпустил меня, больше ничего не сказав, и я ушла, чувствуя одновременно новый прилив рвения и боль. Как бы я ни старалась закопать страдания поглубже, убить воспоминания, они всегда сидели прямо под кожей, так близко, что могли вылиться наружу от любой царапины.

Во дворе меня встретил раскат грома. Я думала, что не может быть ничего хуже полумрака в особняке, но нарастающая влажность не давала дышать. Над воротами ударила молния, Клинки переговаривались и ворчали о приближающейся буре.

Ясс эн'Окча ждал меня в стойле Итагая. Встреча с Гиде-оном отвлекла меня, и я совсем забыла о Яссе, но, не желая оставаться наедине с прилипчивыми воспоминаниями, похвалила себя за дальновидность.

Ясс закончил расчесывать гриву Итагая и перешел к хвосту, добавив к списку своих достоинств, пока состоявших из сильных плеч и лукавой улыбки, еще и прилежание. Он посмотрел на меня через то самое плечо и одарил той самой улыбкой.

— О, мой капитан вернулся!

— Я не твой капитан. Если ты Первый Клинок, то твой капитан — Тага.

— И прекрасный капитан, но она никогда не доверяла мне чистить своего коня. А он норовистый, твой мальчик, — добавил он, похлопывая Итагая по крупу. — Сроду не

видел, чтобы конь выглядел так высокомерно. Кажется, ему не понравились мои истории.

— Ты рассказывал ему истории?

— Почему бы и нет? Надо же было как-то убить время. — Ясс положил щетку на мою седельную сумку. — Могу я что-нибудь еще для тебя сделать, капитан?

Я вошла внутрь, и дверь конюшни закрылась за мной. Улыбка Ясса стала еще шире.

— Здесь? — спросил он, взглянув на кучу соломы в самом дальнем от копыт Итагая углу.

— Здесь, — согласилась я, начав расстегивать ремень. Пальцы дрожали, и я понадеялась, что он не заметит.

Сабли упали на пол, и Ясс подошел ближе, коснулся своими губами моих. Я отвернулась, страх тысячей игл вонзился под кожу.

— Нет. Не это.

Он замер на мгновение, но усмехнулся, взял мою руку и прижал к твердому выступу между ног.

— Значит, только это? — хрипло спросил он.

— Только это. — Я убрала руку. Его мягкость вскрывала мой панцирь так же, как мягкость Гидеона. — Я слишком плохо тебя знаю, чтобы хотеть чего-то еще.

Ясс пожал плечами и стянул штаны, и, решительно настроенная не уступать ему в уверенности, я стала стаскивать свои. Они липли к потной коже, но я все же умудрилась высвободиться, не упав. Он наблюдал за мной с недрогнувшей улыбкой. Одобрительной. Может, даже удивленной, и слишком интимной, наполнившей меня желанием сбежать. Лишь присутствие Итагая и беспокойный стук его копыт умилили поднимающуюся во мне панику.

Я толкнула Ясса на солому, и он повалился со смехом. Свободная, легкая радость в этом звуке заставила меня метнуться взглядом к двери. Никто из тех, других, так не смеялся. Никто так не улыбался. Они просто хотели меня оседлать.

Не желая позволить страху победить, я опустила на Ясса. Он со стоном проник в меня, ладони скользнули к моей груди. Он тяжело дышал, смеялся и извивался подо

мною, но я лишь сжимала зубы, пользуясь всей полнотой власти над этим мужчиной, так радостно отдававшимся мне. И стараясь не смотреть на него, не ощущать его запах, не целовать и не трогать. Ясс продержался не так долго, как остальные, и этим только больше мне понравился. В конце с нас обоих все равно лился пот.

— Нефер говорил, что ты дикая, — сказал Ясс, утирая пот со лба и ухмыляясь. — Можешь приказывать мне в любой день.

Я искала в седельной сумке какую-нибудь тряпку, но рывком развернулась, будто от пощечины.

— Что? Нефер тебе рассказал?

— Ага, а когда Амсу сказал, что ты скакала и на нем, я хватился за возможность передать тебе сообщение от гуртовщика. Решил, что тоже должен доставить тебе удовольствие.

Мое лицо залилось краской.

— Решил исполнить долг? — Я швырнула в него штаны. — Убирайся отсюда и скажи своим друзьям, чтобы не подходили ко мне.

Улыбка исчезла с его лица.

— Что? Я не хотел... Эй! — Он поднял руки, чтобы рукояти его клинков не попали в голову, а я, до сих пор обнаженная ниже талии, вынула свою саблю из ножен. — Эй, эй, полегче!

Я поднесла клинок к его опавшему члену.

— Я вам не трофей. Я не шутка. Я не байка, которую можно рассказывать друзьям, чтобы они тоже могли меня трахнуть. Я — капитан рода Яровен и отрежу тебе яйца, если будешь говорить обо мне с неуважением, как о животном.

Пятясь от клинка, он скользил голыми ногами по усыпанному соломой полу.

— Эй! Стой! Я не говорил... Я просто... Да убери эту хреновину от меня! Ты рехнулась?

Зажатый в углу Ясс выставил руку, чтобы защититься от моего клинка, а другой рукой прижимал к себе штаны, прикрывая наготу. От страха его глаза распахнулись, и мой

гнев отступил, как отлив. Вот она я, капитан Клинков могущественного рода Яровен, обнажила клинок на другого левантыйца в конюшне вдали от дома, воспоминания о котором болью отдавались внутри. Даже Итагай фыркал и беспокоился, вороша копытами свежее сено.

Моя рука дрожала. Я обнажила клинок, и он должен напиться крови, прежде чем снова упокоится в ножнах, но человек передо мной не заслуживал такого гнева. А те чилтейцы, что заслуживали, уже мертвы.

Взяв саблю за лезвие левой рукой, я развернула ее рукоятку вперед.

— Я позволила гневу взять над собой верх. Ты вправе ударить.

Ясс прищурился, прежде чем взять предложенный клинок. Я хотела вытереться и одеться, но стояла, опустив руки, и ждала, когда он пустит мне кровь. Рука? Горло? Он мог бы и убить, если я задела его гордость так же сильно, как он мою.

Сабля повисла между нами, а затем, продолжая смотреть мне в глаза, Ясс взял ее и провел острым краем по своему предплечью. Потекла тонкая струйка крови, но он не проронил ни звука и не попытался ее остановить. Он протянул клинок мне.

— Прости. Я не хотел тебя оскорбить, капитан. — Он оперся о стену, натянул штаны и сапоги. Я не шевелилась. — Капитан Дишвива, — сказал он, сжав кулаки в приветствии. Погладив Итагая, он проскользнул мимо меня в ночь.

Хлопок закрывшейся двери заставил меня поспешно одеться. Щеки горели, голову наполняли угрызения совести. О чем я только думала? Обнажила клинок на левантыйца. И в такой ситуации.

— О боги! — Я закрыла лицо руками. — Что я наделала? Итагай не издавал ни звука, только смотрел, как я беснуюсь.

— Я дура, Итагай. Просто дура. Ну какой из меня капитан?

Донесшийся со двора крик прервал мои причитания. За ним последовал другой и топот бегущих ног. Схватив ре-

мень, я вылетела в дверь, застегиваясь на ходу. Волна всеобщего возбуждения неслась к воротам.

— Что случилось? — спросила я, заметив капитана Менесора э'Кару вместе с его заместителем, хмурой женщиной, имя которой не смогла припомнить.

— Кто-то у ворот, — ответила она.

— Кто-то должен сообщить гурт... — Капитан Менесор оборвал себя на полуслове, нахмурившись еще сильнее своего заместителя. — Кто-то должен сообщить его величеству. Джейша, пошли кого-нибудь или пойди сама, если...

— Уверена, что наши новые друзья с этим справятся, капитан. — Она указала на кисианцев в сторожевой башне. — Если это враги, я предпочла бы остаться.

Мы подошли к толпе левантийцев — они обеспокоенно вытягивали шеи, держа руки на рукоятках клинков. Шепот походил на шорох зыбучих песков. Однако враг не появлялся. Оставив Менесора и Джейшу, я пробралась сквозь толпу к страже у ворот. Кто-то ругался мне вслед, но большинство безропотно позволяло пройти. Какие бы догмы ни пришлось нам нарушить ради того, чтобы выжить, уважение к капитанам оставалось незыблемым.

Внутри закрытых ворот я обнаружила Лашак э'Намалаку, разговаривающую с капитанами родов Шет и Охт, а также своего Первого Клинка, капитана Атума э'Яровена. Капитан Тага эн'Окча тоже была здесь, и, вспомнив про Ясса, я не могла посмотреть ей в глаза.

— Что происходит? — поприветствовала я капитана Атума. — Говорят, что враги у ворот.

Он коротко рассмеялся.

— Враги? Нет, не враги. Враг.

Я уставилась на него — понимание, похожее, где-то заблудилось по пути ко мне.

— Боюсь, я не совсем поняла, капитан. Враг? Там... там, за воротами, один человек?

— Так говорят дозорные. — Он указал на левантийцев, стоявших вместе с кисианцами на сторожевой башне. Стены поместья были не слишком высокие, но толстые

и крепкие, и вполне могли пережить нападение одного врага.

— Мы так взволновались из-за одного человека?

Капитан Тага рассмеялась так же невесело, как и капитан Агум.

— Нас волнует не количество врагов.

— А что же тогда?

— Дорогу его величеству!

Позади нас поднялись крики, и толпа расступилась, шаркая сапогами по камню. Подошел Гидеон в сопровождении двух Клинков в имперских плащах. Тот самый старый низенький кисианец тоже был с ними, он сутулился, будто пытаясь стать невидимым. Я посочувствовала тому, в какое положение поставили его жестокие повороты судьбы.

— Откройте ворота, — приказал Гидеон, его великолепный шелковый плащ развеялся так далеко за спиной, что сейчас он больше походил на того левантийского капитана, за которым мы последовали в эти чужие земли.

— Ты уверен, гуртовщик? — спросила капитан Тага, поглаживая оперение стрелы. Мы можем просто сделать из него ежа.

— Нет. Откройте ворота.

Капитан Агум, никогда не поручавший другим то, что мог сделать сам, вышел вперед. Другой человек оглянулся бы посмотреть, не передумал ли его гуртовщик, но только не Агум. Он поднял засов и с грохотом бросил его на землю. Вдалеке эхом прогремел гром, но никто не говорил и не шевелился. Клинки у ворот напряглись, готовясь к бою.

Агум взялся за одну створку, Тага за другую, и вместе они потянули их, крихтя от натуги. Между створками показался кусочек ночи, становясь все шире. В проеме стояла одинокая фигура. Тень в ночи.

Вокруг зашептались. Глаза метались от Гидеона к вновь пришедшему и обратно, но никто не шевелился, пока ворота со стуком полностью не открылись. Человек подошел. Медленно, спокойно, уверенный в том, что его хорошо примут. Он остановился в нескольких шагах от Гидеона. Бледная рука откинула капюшон.

Посреди собирающейся бури стоял Лео Виллиус. Те же волосы. Те же глаза. Та же улыбка. Даже льняная маска, висевшая на шее, казалась той самой, которую мы сожгли. Только без шрама на перерезанном нами горле. И отрезанные губы, и выколотые глаза были на месте — глаза, посмотревшие на меня, на Тагу и Атума, а потом на толпу, прежде чем тяжелым, как сотня голов, взглядом остановиться на Гидеоне.

— Добрый вечер, ваше величество.

ГЛАВА 3

Кассандра

Эта сука непрерывно пялилась на меня. Никакие красоты пейзажа не привлекали ее внимания. Она не обращала внимания ни на шум снаружи, ни на тряску нашего экипажа. И когда день обратился в ночь, взгляд ее странного цвета глаз продолжал вгрызаться мне в плоть.

— Прекрати, — сказала я ей. Никакого толку. Я пыталась ругаться, обливала ее долгими потоками цветистых проклятий, почерпнутых в плавильном котле женавского порта, но она смотрела еще пристальнее. Пусть и молчала, но понимала прекрасно. И теперь не отвела взгляд. Я с тяжелым вздохом закатила глаза. — Прекрати таращиться на меня. Прошу тебя.

Ее губы чуть изогнулись в улыбке, а внимание обратилось на обмякшую фигуру императрицы Ханы Ц'ай рядом со мной. Минут десять отдохнуть от обжигающего взгляда лиловых глаз — ради этого стоило вежливо попросить.

«А она неплохо тебя дрессирует, Кассандра, — произнесла Она в моей голове, в первый раз с тех пор, как мы снова вернулись в карету. На последней стоянке императрица Хана не приходила в сознание, но Знахарь все равно проверял ее, совершенно не обращая внимания на мое присутствие — приложил ладонь к ее лбу и горлу, потрогал пальцы. — Может, мне давно стоило научить тебя вежливости».

— Не сработало бы, — проворчала я.

Взгляд лиловых глаз опять обратился ко мне, девушка склонила голову набок, рассматривая меня, как некую диковину.

— Я не с тобой разговаривала.

Она не отвела глаз.

— Ее императорское величество куда интересней меня. Смотри, у нее посинели губы от той дряни, которую твой богочеловек зачихал ей в глотку, и волосы совсем растрепались.

Ни слова в ответ. Ни движения.

Я стала смотреть в окошко на бегущую мимо ночь, но с ночью проблема в том, что там смотреть-то и не на что. Какое-то время еще мелькали под лунным светом поля, деревни, даже отблески на воде. А теперь ничего, одна темнота. Останавливались мы, только чтобы есть, пить и менять лошадей, путешествие слишком напоминало наш с Лео путь в Кисию. Тогда я казалась себе такой умной, зная, что он пытается сбежать от меня же.

За окном полыхнула молния, но с другой стороны была только тьма. Вероятно, девушка тоже это отметила и, прикрыв фонарь внутри кареты, выглянула в окно. Императрица Хана сопела, как спящий медведь. Вспышка огромной зубуренной молнии снова прорезала небо и исчезла за лесом, оставив полосу света в моих глазах.

«Кажется, мы все-таки увидим дожди», — сказала Она.

«Не уверена, что это к добру».

«И уж точно не к добру для войск, если они еще не взяли Мейлян».

Я кивнула в молчаливом согласии. Девушка открыла фонарь, и тесное пространство снова озарилось рассеянным светом. Она закрыла глаза и прижалась носом к толстому стеклу окошка. Это было самое любопытное проявление жизни из тех, что она выказывала, но, удовлетворившись или нет, она вскоре снова выпрямилась, глядя в никуда.

Неужели боится дождей? Опасается, что они нанесут свой удар раньше, чем доберемся до места? Это значило, что впереди еще долгий путь. Есть время для побега.

«Убежать отсюда? — спросила Она, прочтя мои мысли. — Мы же хотели здесь оказаться. Ты сама хотела.»

«Я ни разу не просила продавать меня в рабство. А кто знает, как он будет меня мучить?»

«Разумеется, — согласилась Она. — Например, накормит тебя, проверит твоё здоровье и...»

«Да, как собственное животное».

Ответа у Нее не нашлось, я прислонилась к стенке кареты и попробовала задремать. Я не спала весь тот день и ночь, но теперь не могла уснуть, только слушала шорох дождя. Внизу подо мной грохотали колеса, далеким громом слышался стук копыт, но изнутри раздавалось лишь негромкое сопение спящей императрицы. Потом послышался шорох переворачиваемых страниц. Я повернула голову так, чтобы сквозь полуприкрытые веки наблюдать за девушкой. Она держала на коленях раскрытую книгу, на переплете блестело золото. У многих богачей Женавы имелись переплетенные книги, но, посещая с той или иной целью такие дома, я ни разу не видела украшенных золотом. Должно быть, важная книга.

Мне удалось задремать. Казалось, совсем ненадолго, но когда я снова открыла глаза, карету заливал свет. Не особенно яркий, скорее слабый и водянистый, как в туманное зимнее утро. После короткого сна у меня болели глаза, а тереть их было все равно что втирать песок в открытые раны.

— Проклятье, — простонала я, закидывая связанные руки, чтобы прикрыть глаза.

«Касс».

— Отстань.

«Нет! Слушай, Касс!»

Тревожные нотки в ее голосе заставили меня затаить дыхание и прислушаться. Колеса экипажа, лошади, тихий шорох в дальнем углу и...

Дождь.

Я села, хлопая глазами. Императрица не спала, но и на меня не смотрела, как и девушка на противоположном сиденье. Она глядела в окно на потоки воды, которые рас-